

Калужское ополчение в Отечественной войне 1812 года

Немаловажное место в истории Отечественной войны 1812 года занимают вопросы, связанные с участием временных формирований в боевых действиях против наполеоновских войск. К числу таких формирований относится Калужское ополчение, выполнявшее на центральном театре военных действий важную задачу по защите южного направления от проникновения неприятельских сил. Участие Калужского ополчения в войне можно условно разделить на два этапа. Первый, с середины августа до начала октября 1812 г., был связан с обороной Калужской губернии. На этом этапе ополчение занималось поддержанием порядка, и вело борьбу с нападавшими на территорию губернии партиями противника. Второй, более динамичный этап характеризуется включением ополчения в отдельный отряд («корпус» генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева). В его составе ополчение приняло активное участие в освобождении от противника южных уездов Смоленской губернии (Рославльского и Ельнинского) и восстановлении порядка в Могилевской губернии. Этот этап продлился с конца сентября по ноябрь 1812 г. В данной работе на основе опубликованных источников и архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве Калужской области и Российском государственном военно-историческом архиве, предпринимается попытка рассмотреть боевую деятельность Калужского ополчения на первом - оборонительном этапе. Анализ историографии показывает, что первым историком Калужского ополчения был современник событий, поручик 2-го пешего казачьего полка Ф.И. Козлов. Его записка была опубликована в 1815 г. в книге Г.К. Зельницкого «Описание происшествий 1812 г., случившихся в пределах Калужской губернии»ⁱ. Следует отметить, что автор состоял на службе в 3-м батальоне полка, который в течение всей Отечественной войны квартировал в Калуге. Следовательно, он не был в 1812 г. непосредственным участником боевых действий ополчения и писал о них лишь на основе дошедших до него сведений. Записка Козлова, не отличающаяся полнотой и достоверностью, активно использовалась последующими исследователями, в том числе известными историком Калужского ополчения Н.И. Булычевымⁱⁱ. Несмотря на введение в научный оборот новых источников (наиболее заметной вехой стала публикация в 1962 г. сборника документов «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.»ⁱⁱⁱ), в работах советских исследователей боевая деятельность Калужского ополчения так и не получила должного освещения^{iv}. Из исследований последнего десятилетия особенно следует выделить работы А.А. Смирнова, обобщившую накопленный по истории Калужского ополчения материал, А.И. Попова, касающуюся участия ополчения в боевых действиях при Ельне, и А.В. Кибовского, посвященную личности В.С. Ергольского (батальонного начальника 4-го пешего полка Калужского ополчения)^v. Таким образом, можно сделать вывод, что в краеведческой и исторической литературе тема участия частей Калужского ополчения в Отечественной войне 1812 года до сих пор остается недостаточно исследованной.

Одним из основных видов источников, позволяющих реконструировать боевую деятельность ополчения, выступает военная документация (рапорты, отношения, предписания, журналы и записки о деятельности армейских частей, партизанских отрядов, ополчения, кордонной стражи и т. д.), аккумулирующая оперативную информацию об изменении военной обстановки и ведении боевых действий. Значительная часть этих документов, относящихся к делопроизводству Главной квартиры, хранится в Российском государственном историческом архиве 192 (РГБИА), и многие из них в разное время были опубликованы в тематических сборниках документов и изданиях, посвященных войне 1812 года. Заметный комплекс источников сохранился в Государственном архиве Калужской области (ГАКО). Особую ценность для получения сведений о ходе военных действий на калужских кордонах и в южных уездах Смоленской губернии представляют отложившиеся в фонде Канцелярии гражданского губернатора (Ф. 32) фрагменты делопроизводственной документации Временного военного комитета (был создан в Калуге под руководством калужского гражданского губернатора П.Н. Каверина после объявления губернии на

военном положении)^{vi}. В нескольких делах представлены сгруппированные в порядке поступления в Калугу документы, касающиеся ведения боевых действий за период с 29 августа по 2 сентября, с 12 по 20 сентября и с 11 по 21 октября 1812 г. Не менее важным источником является «Записка о действиях учрежденных из поселян кордонов по Калужской губернии» (далее - «Записка о действиях кордонов»)^{vii}, копия которой хранится в фонде губернского предводителя дворянства (Ф. 260). В ее основу положены рапорты с мест чинов уездной администрации и кордонных начальников, краткое содержание которых переписано в порядке их поступления в Калугу. Поэтому «Записка о действиях кордонов» содержит наиболее полную информацию об их организации и деятельности. Что касается делопроизводства Калужского ополчения, то оно поступило на хранение в Калужское дворянское депутатское собрание и к началу XX в. оказалось утрачено. Такой вывод основывается на том, что предпринятый в это время губернским предводителем Булычевым целенаправленный поиск документов по истории ополчения позволил выявить в архиве Дворянского собрания лишь отдельные источники, касавшиеся в основном формирования ополчения. Практически все они в 1910 г. были опубликованы в книге Н.И. Булычева «Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии (Калужское дворянское ополчение)». Вместе с тем проблема сохранности документации Калужского ополчения может быть частично решена путем обращения к ревизии его финансовой деятельности, проводившейся Дворянским собранием с 1817 г. в течение почти 10 лет. Так, в сохранившемся в ГАКО «Докладном реестре Калужского дворянского собрания» за 1827 г. представлены результаты проверки финансовой деятельности полковника А.Д. Шепелева - начальника 5-го пешего полка, который не представил отчет за выданные на ополчение 44547 руб. 35 с коп.^{viii} В ходе разбирательства, происходившего уже после смерти А.Д. Шепелева (умер 24 июля 1818 г.), активно использовались «ополченные дела», делались запросы в разные инстанции и собирались показания от служивших в ополчении лиц. Благодаря этому в представленном Дворянскому собранию докладе отложились многие факты, относящиеся к деятельности ополчения и, особенно, 5-го пешего полка, получить которые из других источников на сегодняшний день практически невозможно.

Важным документальным комплексом являются формулярные списки офицеров ополчения. На сегодняшний день в ГАКО в фондах государственных и сословных учреждений выявлены формуляры 50 офицеров ополчения. Зачастую в них содержатся не только сведения биографического характера, но и описание участия конкретного лица в боевых действиях. При этом во многих формулярах оказались зафиксированы данные о месте и времени боевых столкновений, походах, командировках и т.д.

Калужское ополчение формировалось на основании манифестов Александра I от 6 и 18 июля 1812 г.^{ix} Оно было включено в состав I (Московского) округа и по предписанию командующего округом, главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина должно было насчитывать 15000 человек. Это количество было распределено между калужскими помещиками, от которых в реальности поступило 14881 крепостной. Ополчение состояло из 5 казачьих пеших полков, батальона егерей и казачьего конного полка. По высочайше утвержденному штату пеший полк имел 4 батальона по 4 сотни, а конный - 10 сотен. Что касается численности полков то она была различной, несмотря на существование высочайше утвержденного штата^x. Так, в пешем полку предписывалось иметь 2576 нижних чинов (176 урядников и 2400 казаков) и 26 писарей, однако вследствие территориального принципа формирования (т. е. назначения в полки ратников по уездам) в 4-й полк ополчения должно было поступить около 3700 воинов, в 1-й - 2800, во 2-й - 2600, а в 3-й и 5-й - примерно по 2000 (т.е. меньше штатного числа). Начальником Калужского ополчения дворянство избрало генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева. Формирование полков происходило на сборных местах в Перемышльском (1-й пеший полк - с. Варваренки), Тарусском (2-й пеший полк - с. Никольское, егерский батальон - с. Покровское), Мосальском (3-й пеший полк - Боровск, 4-й пеший полк - с. Шемелинки), Жиздринском (5-й пеший полк - с. Песоченский Завод) и Козельском (конный полк - с. Березичи) уездах.

Первоначально Калужское ополчение, вместе с другими ополчениями I округа, планировалось использовать «для охранения Московской столицы». Согласно высочайшему рескрипту на имя Ростопчина от 19 июля 1812 г. Калужское ополчение должно было выдвинуться в окрестности Можайска и Вереи^{xi}. Однако стремительное

движение неприятеля к Москве не позволило Калужскому ополчению выполнить это назначение в силу незавершенности его формирования. Так, накануне сдачи Москвы, 1 сентября в ополчение было собрано только 11 тыс. ратников - примерно 73 % от планируемой численности^{xii}. Кроме того, изменение военной обстановки заставило внести существенные коррективы в использование ополчения, которое с разрешения Ростопчина было оставлено для защиты своей губернии^{xiii}.

После оставления русскими войсками Смоленска появилась реальная угроза проникновения в Калужскую губернию неприятельских мародеров и фуражиров. Поэтому в начале августа по распоряжению калужского губернатора Каверина во всех пограничных уездах губернии для борьбы с неприятельскими партиями и своими дезертирами из местных жителей были созданы кордоны (отряды самообороны). Первым нападению противника подвергся Мосальский уезд. Здесь формировались 3-й и 4-й пешие полки Калужского ополчения, но ближайшим к месту вторжения неприятельских партий был 4-й полк, стоявший на дороге из Ельни в Мосальск в с. Шемелинки.

27 августа начальник 4-го пешего полка полковник П.П. Яковлев рапортовал калужскому губернатору, что с 22 по 26 августа на кордонах было взято в плен и доставлено в Шемелинки 33 человека^{xiv}. При этом один из пленных, находясь при смерти, сообщил, что «их большое количество откомандировано от французской армии для вербования лошадей и для доставления провианта». Появление неприятеля в пределах уезда и полученные от пленного тревожные сведения повлияли, видимо, на решение Яковлева удовлетворить просьбу мосальского исправника А.П. Суходольского^{xv} о подкреплении кордонов ополчением. Следует отметить, что в этом случае начальник полка проявил инициативу, не имея на этот счет никакого предписания начальства. Поэтому рапорт о своих действиях он направил сначала гражданскому губернатору - главному лицу, отвечавшему за порядок в губернии, а уже потом поставил в известность своего непосредственного начальника генерал-лейтенанта Шепелева. Последний, в свою очередь, сообщил 3 сентября главнокомандующему армиями М.И. Кутузову, что Яковлев действовал на основе его, Шепелева, предписаний^{xvi}.

Рано утром 25 августа Шемелинки покинул отряд ополчения в составе 218 вооруженных пиками воинов под командованием подпоручика И.П. Юрова. «А как сия команда, - рапортовал 27 августа губернатору Яковлев, - к делу поступающая вновь и ни к чему еще не приобывшая, то для руководства ею отправлен от меня господин батальонный командир премьер-майор и кавалер Ергольский, который человек по службе опытный и во время оной оказавший усердия своего довольно подвигов». Выдвинутый к границе отряд встал на Ельнинской дороге в с. Пятницком, откуда уже на следующий день начал действовать против неприятеля. Направленный 26 августа в д. Пригорки с «несколькими человеками» подпоручик Юров взял в плен 3 мародеров. В тот же день Ергольский рапортовал Яковлеву о первом успехе ополчения. При этом он сообщил, что по дошедшим к нему «верным сведениям» стало известно о значительном скоплении неприятельских партий на границе Мосальского уезда, в Ельнинском уезде Смоленской губернии и «что есть из них очень большие, так что изо 100 человек состоящие». Все это, по мнению Яковлева, подтверждало показания умершего в Шемелинках пленного и поэтому он просил губернатора как можно скорее прислать в Мосальский уезд регулярные войска для противодействия противнику. «Мне же, - писал полковник Каверину, - из своих набранных воинов надежного им оплоту сделать невозможно, по причине не имения обер - и унтер-офицеров, знающих хоть мало службу, чтобы иметь в случае необходимости воинам к тому малую опору».

Однако времени на ожидание помощи от армейских частей не было. 28 августа в рапорте предводителю мосальского дворянства В.С. Ширкову кордонный начальник поручик С.П. Суходольский сообщил, что 26 августа ему стало известно о концентрации неприятеля для нападения на села Пятницкое и Любунь^{xvii}. Узнав об этом, он предложил Ергольскому присоединить силы ополчения к кордонной страже и самим напасть на противника, не дожидаясь его выступления. На следующий день, 27 августа, утром отряд ополчения^{xviii} и крестьяне выступили к д. Ратки, в которой «нашед означенную партию природных французов атаковали их, сопротивление злодеев было отчаянным, но храбрость русских по трехчастном сражении все превозмогла, злодеи рассеясь побежали».

Неприятеля преследовали до д. Веселухи Ельнинского уезда, где было «их скопище и гнездо». Здесь противник пытался занять оборону, но был выбит и отброшен еще на 5 верст. Однако, «далее, - писал Сп. Суходольский, - преследовать усталость людей воспрепятствовала». В ходе боя было убито 36 неприятелей, «ранено немало, кои увезены на лошадях» и 6 человек взято в плен. Со стороны ополчения было убито 2 воина и крестьянин с. Пятницкого, ранено - 3 человека (ополченец и два крестьянина). В своем рапорте кордонный начальник заметил, что ему стало известно о появлении вблизи мосальской границы новой партии в 40 человек и «по слухам во многом количестве злодеи шатаются по селениям возмущая крестьян». Несмотря на удачные действия кордонной стражи и ополчения, Сп. Суходольский указывал предводителю, что для поддержания порядка и борьбы с противником недостаточны «ни местные меры, ни средства без пособия старых воинских команд вооруженных огнестрельным оружием. Сии команды с помощью кордонов могли б совершенно очистить здешние места и успокоить жителей упавших в духе, кои ожидая ежеминутно набегов злодеев совсем оставили полевые работы».

После получения рапорта Яковлева от 27 августа и отношения мосальского предводителя дворянства от 31 августа (с рапортом Сп. Суходольского от 28 августа), калужский губернатор 2 сентября выразил им благодарность за успешные действия против неприятелей. При этом он ни слова не сказал о возможности направить в Мосальский уезд регулярные войска, считая, вероятно, эту меру излишней. Обращаясь к Яковлеву, Каверин особо отметил успехи Ергольского и Юрова, которые «хотя и новыми еще не образованными войсками но довольно явно показали в преследовании и побеждении толь вредных врагов достохвальную свою неустрашимость». О них губернатор рекомендовал по команде сообщить начальнику ополчения^{xix}.

В последних числах августа воины 4-го полка приняли участие еще в одном бое^{xx}, о котором в Калуге стало известно 5 сентября. Он произошел «за селом Пятницким», где майор Ергольский с ополченцами и крестьянами напал на неприятельскую партию, «разбил ее положа на месте одного офицера и до 50 человек рядовых, в плен же взято 40 человек»^{xxi}.

После оставления Бородинской позиции, 28 августа Кутузов объявил Калужскую губернию на военном положении. При этом В.Ф. Шепелев был назначен командующим в Калужской губернии войсками и должен был вместе с Кавериним «взаимно употреблять возможные средства к охранению границ Калужской губернии и особенно губернского города Калуги». Помимо этого, управлению калужского губернатора были поручены Рославльский и Ельнинский уезды Смоленской губернии (Юхновский уезд поступил в управление еще в середине августа). В тот же день главнокомандующий предписал генералу Шепелеву «принять в команду» находившиеся в Калуге регулярные войска из резервных и запасных частей генерал-майора Н.А. Ушакова (формирования генерала от инфантерии М.А. Милорадовича)^{xxii}. На следующий день Кутузов, основываясь на полученных «достоверных сведениях» о том, что «неприятель едва только коснулся Калужской губернии и то даже не партиями, а мародерами своими», предписал Ушакову следовать к Москве с 8 батальонами пехоты и 12 эскадронами кавалерии. Оставшиеся в Калуге регулярные войска передавались Шепелеву, который «придав их к Калужскому ополчению с артиллериею, вблизи Калуги находящеюся, составит довольно почтенное число, дабы защищаться в Калужской губернии или у Калуги противу вероятно малого отряда войск, которые бы французы покусились на оное сделать». При этом главнокомандующий разрешал оставить в губернском городе части «из надежнейших уже сформированных»^{xxiii}.

Таким образом, к началу сентября в Калуге, помимо частей ополчения, под начальством генерала Шепелева состоял 10-й пехотный полк, составленный по высочайшему указу от 27 июня 1812 г. из запасных рекрут Калужского депо 2-й линии и батальона Московского гарнизонного полка^{xxiv}, а также регулярные войска, в том числе 100 мушкетер, 50 егерей, 2-й батальон 3-го егерского полка численностью в 442 человека, примерно по 60 человек драгун и гусар и полурота (6 орудий) 2-й запасной артиллерийской бригады легкой роты № 61^{xxv}. Общая численность регулярных войск в Калуге оценивалась Шепелевым до 2000 человек^{xxvi}. Сверх этого числа командующий

войсками в губернии имел под своим началом иррегулярные части - отряды майора Н.А. Тимирова (1-й казачий Тептярский и 1-й казачий Бугский полки) и полковника А.И. Быхалова (донские казачьи полки полковника Быхалова и войскового старшины Д.Д. Комиссарова). Эти части действовали в Юхновском уезде Смоленской губернии, Медыньском и Боровском уездах Калужской губернии^{xxvii}. Таким образом, в подчинение Шепелева находилось около 17 800 человек (примерно 84 % составляли ополченцы, 11 % - регулярные части и 5 % - казаки). На эти войска возлагались задачи по сохранению порядка, несению гарнизонной службы, препровождению пленных и транспортов, обслуживанию госпиталей и, самое главное, по защите от войск неприятеля калужских границ, губернского города, а также южных уездов Смоленской губернии.

В начале сентября Мосальский исправник узнав о появлении неприятеля в с. Городечне организовал на него нападения. Находясь в Шемелинках он, видимо, обратился с просьбой оказать содействие к полковнику Яковлеву, который, как и раньше, поддержал инициативу А.П. Суходольского. Вооруженные поселяне в этом случае были подкреплены отрядом ополченцев под начальством батальонного командира майора П.В. Данилова. Напав на находившуюся в селе партию противника, «по долгом ее сопротивлению разбили, положила на месте 50 и взяв в плен 4 человек, а с ними и крестьянина бывшего у них проводником, да в пруду при бегстве достальных утоплено 11 человек»^{xxviii}. Эти сведения, полученные губернатором из Мосальского уезда и зафиксированные в «Записке о действиях кордонов», могут быть дополнены данными из рапорта Шепелева Кутузову от 11 сентября^{xxix}. В нем командующий войсками в Калужской губернии сообщал о положении дел в губернии и представлял к награждению отличившихся. Касаясь боя при с. Городечне, Шепелев, опираясь, вероятно, на рапорт Яковлева, писал, что неприятеля («пеших и конных грабителей») преследовали четверо суток. Окружив в селе, «держали атакованными почти целый день, усевшая к сдаче; но видя упорными, в 7 ч. вечера, призря их перестрелку, со словами "уРа" бросились на неприятелей». Из рапорта следует, что в бою было убито 30 человек (возможно, описка), 11 утоплено в пруду и 41 взят в плен. Потери ополченцев составили 6 ратников (1 убитый и 5 раненых).

Как видно, в данных о потерях противника имеются некоторые расхождения. Но самое главное противоречие между рапортом генерала Шепелева и «Запиской о действиях кордонов» заключается в том, что представленный главнокомандующему текст подразумевает участие в бою не одного, а двух отрядов ополчения - Данилова и Ергольского. Этот факт маловероятен, так как отряд Ергольского, находясь на границе Мосальского уезда в с. Пятницком, прикрывал дорогу из Ельни на Калугу, являясь авангардом 4-го пешего полка, стоявшего на этой же дороге в Шемелинках. Поэтому оставление Ергольским своего поста и движение с ополчением в юго-восточном направлении на 25,5 верст для поддержки второго, специально командированного, отряда ополчения не кажется тактически оправданным. Кроме того, в тех же числах, когда происходил бой у Городечни, в Мосальский уезд вступила неприятельская партия, которая следовала к с. Пятницкому. В «Записке о действиях кордонов» говорится, что «кордонный начальник Суходольский с помощником его поручиком же Петром Суходольским и со крестьянами напал на нее и убил на месте 53 человека, достальных 20 взял в плен», потеряв при этом 3 крестьян^{xxx}. Те же результаты боя были показаны калужским губернатором в отношении к исполнявшему должность начальника Главного штаба Л.Л. Беннигсену от 11 сентября^{xxxi}. В «Записке о действиях кордонов» нет упоминания об участии в разгроме неприятеля воинов ополчения, однако сведения о них появляются в рапорте мосальского исправника А.П. Суходольского от 5 сентября об отправлении в Калугу пленных. В нем говорится, что «сентября с 1 по 5 взято французских злодеев в плен господами батальонными начальниками ополчения майорами: Павлом Даниловым в селе Городечни 4 и Василием Ергольским 19 и одна немецкой нации женщина; да пойманы на разных кордонах 17, а всего 41 человек»^{xxxii}. Совпадение численности пленных, взятых Ергольским, с количеством, указанным в «Записке о действиях кордонов», и место боя позволяют предположить, что в столкновении у с. Пятницкого помимо кордонной стражи принимали участие и ополченцы. Кроме того, в рапорте Шепелева Кутузову от 11 сентября главным является представление начальников двух отрядов Ергольского и Данилова к наградам, а бой при Городечне выступает лишь иллюстрацией успешных действий ополчения. Возможно, поэтому точности описываемых

событий не придавалось особого значения. Таким образом, можно высказать предположение, что в промежутке между 1 и 5 сентября находившийся в Пятницком отряд Ергольского принял участие в уничтожении одной неприятельской партии, а направленный из Шемелинок отряд Данилова разбил другую партию при Городечне.

Что касается показанных в рапорте Шепелева результатов победы при Городечке, то, как справедливо заметил А.В. Кибовский, Шепелев сознательно или по ошибке поместил в свой рапорт от 11 сентября цифру направленных ему губернатором пленных, которые поступили из Мосальского уезда как раз 11 числ^{xxxiii}.

При рапорте от 11 сентября генерал Шепелев представил Кутузову список отличившихся, в котором среди прочих фигурировали и офицеры 4-го пешего полка Калужского ополчения. Премьер-майора Ергольского, как имевшего уже орден Св. Владимира 4-й степени, Шепелев рекомендовал к награждению орденом Св. Анны 2-й степени, майора Данилова - орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, подпоручика Е.А. Торопова - к чину поручика. Кроме того, для унтер-офицера Антонова и на 200 воинов Шепелев просил прислать 10 «медалей за храбрость установленных на случай ополчения», а так же рекомендовал наградить исправника А.П. Суходольского орденом Св. Владимира 4-й степени^{xxxiv}. 13 сентября, в день получения в Главной квартире наградных документов от Шепелева, Кутузов предписал: «Представление об отличившихся чиновниках во всей их силе утверждаю. Знаки же отличия как скоро пришлют ко мне из Петербурга, немедленно к вам доставлю». Эту волю главнокомандующего Шепелев довел до сведения подчиненных приказом от 17 сентября^{xxxv}. В данном случае Кутузов действовал на основании «Учреждения для управления большой действующей армии» от 27 января 1812 г., согласно которому главнокомандующий наделялся правом «во время самого действия производить в офицерские чины до капитана, и назначать за важнейшие блистательные подвиги знаки Военного Ордена 4 степени, Св. равноапостольного Князя Владимира 4 степени с бантом, шпаги за храбрость и Ордена Св. Анны 2 и 3 степени». При этом оговаривалось, что выданные на награждения главнокомандующим грамоты должны представляться императору и утверждаться высочайшим рескриптом^{xxxvi}. Однако эта формальность, видимо, выполнена не была и сделанное Кутузовым награждение не получило официального оформления. Это видно на примере майора Ергольского, чья фамилия отсутствует в списках кавалеров ордена Св. Анны^{xxxvii}.

10 сентября мосальский предводитель дворянства сообщил губернатору, что до него дошли сведения об оставлении Яковлевым с. Шемелинки и выдвигании ополченцев к с. Пятницкому для противодействия партии неприятеля численностью в 600 человек. В связи с отдалением 4-го полка от Мосальска предводитель выражал беспокойство по поводу безопасности города, так как участились случаи появления неприятеля на северной, не прикрытой ополчением, границе уезда. В связи с этим он решил вытребовать под свое руководство у начальника 3-го пешего полка Д.П. Буланина 300 вооруженных воинов, о чем поставил в известность губернатора^{xxxviii}. Оставление 4-м полком сборного места могло быть связано с мероприятиями, проводимыми командующим войсками в Калужской губернии. Как видно из рапорта Кутузову от 3 сентября, Шепелев первоначально планировал оставить для охраны границы в Мосальском уезде 4-й пеший полк и батальон 5-го полка, а остальные части ополчения, за исключением не до конца сформированного конного полка, сконцентрировать в Калуге, где уже находились 1-й и 2-й пешие полки^{xxxix}. Однако вскоре командующий войсками должен был отказаться от этого плана и усилить защиту Мосальского, Медынского и Боровского уездов 3-м пешим полком ополчения и егерским батальоном.

Такое решение было вызвано сложившимся к концу августа тяжелым положением в северных уездах Калужской губернии. 28 и 29 августа серьезному нападению подвергся Медынский уезд. Неприятель разогнал кордонную стражу, сжег и разграбил ряд населенных пунктов. Во время этих нападений несколько мирных жителей было убито и ранено. 30 и 31 августа боровский городничий рапортовал губернатору о появлении в городе «мародеров из казачьих полков», которые пытались сжечь и разграбить Боровск, о приближении к городу неприятеля и выходе из повиновения вооруженных жителей. В ответ на это 31 августа генерал Шепелев остановил следовавший через Калужскую губернию в Юхновский уезд отряд из двух донских казачьих полков под командованием

полковника Быхалова, направив его на защиту Медынского (полк Быхалова) и Боровского (полк Комиссарова) уездов. Тогда же, как рапортовал Шепелев Кутузову 3 сентября, для «усиления в Боровск отрядил я полтораста воинов здешнего ополчения и 50 человек мушкетер пришедшей в Калугу конвойной команды»^{xi}. Упомянутые Шепелевым регулярные войска входили в состав 1-го пехотного полка полковника Кречетникова (формирования Милорадовича), личный состав которого в августе поступил на пополнение частей действующей армии, а кадры были возвращены в Калугу. Отряд из 50 мушкетер оставался в Боровске до 23 сентября, когда по приказу Шепелева от 18 сентября он был направлен в губернский город для сопровождения пленных и раненых^{xii}.

4 сентября в Калуге стало известно о появлении под Боровском неприятельской партии, которая совершила нападение на два лежащих вблизи Боровска села. «После сих происшествий, - говорится в "Записке о действиях кордонов", - для подкрепления жителей города Боровска по сношению с генерал-лейтенантом Шепелевым послан туда батальон Калужского ополчения стрелков»^{xiii}. Егерский батальон под командованием подполковника А.Ф. Сухотина, был элитной частью ополчения. В его состав набирались в основном «способные в стрелки из дворовых людей», и в отличие от других полков ополчения, получавших в основном холодное оружие (пики, топоры, ножи-тесаки), егеря сразу имели на вооружении ружья^{xiiii}. В Боровске под командованием Сухотина было 650 воинов ополчения, регулярный отряд из 50 человек (до 23 сентября) и казачий полк Комиссарова (до 26 сентября, когда по предписанию Кутузова полк был включен в состав отряда генерала И.С. Дорохова, назначенного для нападения на Верею). 12 сентября боровский городничий рапортовал губернатору, что «находящиеся команды под ведением подполковника регулярных и иррегулярных войск вверенном мне городе стоят. Из коих пехота занимает караулами все нужные места для соблюдения в городе спокойствия. Казаки делают беспрестанные разъезды по Новой Калужской в Москву дороге и по Вереиской, коим приказано от господина Сухотина забирая всех мародеров, также наблюдать ход неприятельских войск. Что ж касается до спокойствия жителей в городе, то оне, пользуясь хорошим распоряжением помянутых команд начальников, возвращаются в свои дома»^{xliv}.

Егерский батальон Калужского ополчения находился в Боровске до взятия его неприятелем. 10 октября ополченцы приняли участие в бою под городом против наступавших частей 13-й пехотной дивизии А. Дельзона. Об этом малоизвестном столкновении свидетельствует запись в формулярных списках офицеров егерского батальона о том, что при вступлении в Боровск неприятеля они находились в «ретираде к Малому Ярославцу при отражении части неприятельской кавалерии»^{xlv}. В данном случае, вероятно, ополченцы противостояли следовавшему во главе дивизии Дельзона 6-му баварскому шволежерскому полку, который преодолев сопротивление казаков, к вечеру 10 октября взял Боровск и преследовал русских за городом.

В начале сентября, кроме направления в Медынский и Боровский уезды егерского батальона, иррегулярных и регулярных войск, командующий войсками в губернии предпринял еще ряд шагов, направленных на защиту Калуги и губернии. Для обороны губернского города были исправлены 11 не годных к употреблению орудий и определена к ним прислуга. В ополчение были командированы кадровые офицеры из сформированных Милорадовичем полков, которые вернулись назад после распределения в августе личного состава среди войск 1-й и 2-й Западных армий. К 11 сентября закончилась организация пеших частей Калужского ополчения, и все они получили свое назначение. Что касается конного полка, то он находился еще в стадии формирования^{xlvi}. По распоряжению генерала Шепелева из 21 батальона ополчения 11 были сконцентрированы в Калуге (по 4 батальона 1, 2-го полка и 3 батальона 5-го полка), где помимо них находилось еще почти 2000 регулярных войск. 10 батальонов ополчения были почти равномерно распределены на главных направлениях вблизи границы Калужской губернии. На Новой Калужской дороге, в Боровске, находился егерский батальон с регулярными войсками и казаками Комиссарова. Дорогу на Верею в Медынском уезде прикрывал батальон 3-го пешего полка под начальством майора В.В. Спафарьева и казаки Быхалова. В Юхнове, где сходились дороги из Вязьмы и Гжатска, размещался другой батальон 3-го полка. Два оставшихся батальона стояли в Мосальске, прикрывая уездный город и являясь резервом для

выдвинутых вперед частей. Та же система была использована на дороге из Ельни. Впереди располагался 1-й батальон под начальством Ергольского, северо-восточнее от него стоял батальон Данилова, прикрывавший границу Мосальского уезда и поддерживающий связь с частями 3-го полка. В резерве, в с. Спасском, находилось два батальона 4-го полка. Южнее, на границе Мосальского и Жиздринского уездов, вс. Песоченский Завод стоял 3-й батальон 5-го полка. Если к этому прибавить цепь кордонной стражи, то можно констатировать, что северные и западные границы Калужской губернии были достаточно надежно прикрыты от вторжения неприятельских партий. При этом один батальон уже в сентябре был выдвинут в Юхнов, находившийся под управлением калужского губернатора, прикрыв не только стратегически важный пункт, но и Мещовский уезд.

В Мосальском уезде в сентябре активно продолжали действовать части 4-го пешего полка. Так, 11 сентября Масальский уездный судья направил в Калугу партию военнопленных, в которой находились «пойманные батальонным командиром майором Ергольским разных наций злодейских партий 16, поручиком Степановым 19, в том числе русских солдат семь человек». В последнем случае, по-видимому, речь идет о мародерах, действовавших заодно с неприятелем^{xlvii}. 15 сентября Мосальский исправник направил в Калугу еще одну партию пленных. В ней были «представленные от кордонного начальника и поручика Степанова французских злодеев 63 человека и одна французская солдатская женка»^{xlviii}. Тогда же, 15 сентября, кордонный начальник рапортовал губернатору, что «Мосальский уезд совершенно от злодеев очищен и близ границ об оных слухов нет»^{xlix}. Несмотря на это утверждение, деятельность кордонов продолжалась как на территории Мосальского, так и Ельнинского уездов до конца сентября.

К середине сентября казаками при поддержке крестьян были уничтожены крупные партии противника и восстановлен порядок в пределах Медынского уезда. По данным «Записки о действиях кордонов» после 11 сентября в пределах уезда произошло всего три боя, в том числе и 20 сентября, когда находившийся в Медынском уезде батальон 3-го пешего полка под командованием майора Спафарьева принял участие в уничтожении двух партий неприятельских фуражиров. Батальонный начальник, узнав по донесению Шепелева Кутузову от 2 октября, что неприятель находится в д. Лавечне, отправился туда с отрядом ополчения. По дороге у д. Паньиной Спафарьев обнаружил первую партию в составе офицера и 35 солдат, которая «первоначально ретируясь отстреливалась, ожидая в подкрепление себе другой; но воины при слове "ура" бросились с жаром на неприятелей, всех штыками и пиками покололи наголову, и ни один из злодеев не выбрался живой». Вторую, большую по численности партию ополченцы захватили в самой д. Паньиной и полностью уничтожили. В ходе боя было убито 2 и ранено 9 воинов. В качестве трофеев «осталось 22 лошади и 10 телег с разным награбленным и собственным неприятеля багажом, из коего отнятое от наших жителей отдано им обратно, а прочее разделено между воинами». За отличие в этом бою двух офицеров - подпоручика Протопопова и прапорщика Савинова, генерал Шепелев представлял к повышению¹. По данным «Записки о действиях кордонов», в разгроме неприятеля помимо ополчения принимал участие отряд казаков Быхалова. При этом противник имел более 100 человек, из которых 38 было убито а остальные «спаслись бегством»^{li}.

Во второй половине сентября деятельность мосальских кордонов была в основном перенесена за границу Калужской губернии, хотя отдельные столкновения продолжали происходить и на территории уезда. В рапорте Шепелева Кутузову от 2 октября говорилось, что полковник Яковлев, «узнав о неприятельской партии, взошедшей в село Потапово, послал к истреблению оной отряд под командою прикомандированного мною в тот полк Софийского пехотного полка поручика Литвинова». 27 сентября ополченцы нашли неприятеля в д. Нестеры «в превосходном числе противу наших сил» и стремительно атаковали его. В ходе боя было взято в плен 64 человека и «больше того число поколото». При этом ополченцы потеряли в бою убитыми два и ранеными 15 воинов. «К сожалению, - писал Шепелев, - командир отряда сего поручик Литвинов, действовавший с отличною неустрашимостью против врагов тех, быв тяжело ранен, на другой день умер»^{lii}. Сведения о бое, представленные Кутузову, могут быть дополнены информацией из «Записки о действиях кордонов». В ней указывалось, что неприятельская партия была разбита при участии «разных деревень поселян». При этом противник потерял 35 человек убитыми и 15 пленными. Последнюю цифру можно считать наиболее

достоверной, так как при получаемых с мест рапортах, как правило, присылались и сами военнопленные^{liii}.

Последний эпизод участия ополчения в деятельности пограничных кордонов был связан с экспедицией в Ельнинский уезд, организованной по инициативе мосальского исправника А.П. Суходольского. Получив в конце сентября сведения, что вблизи границы произошло «во многом числе от крестьян к помещикам и управляющим вотчинами неповиновении, и что они производя грабежи господских домов и имуществ, делают большого рода буйства», исправник обратился к начальнику 4-го пешего полка за помощью к прекращению «толь вредных происшествий». В ответ Яковлев командировал к нему в помощь две сотни ополченцев. А.П. Суходольский с поселянами и отрядом ополчения «войдя в те селения начально усмирил крестьян разграбивших господский дом и все имущество в селе Гнездилове (Юхновского уезда - В.Б.) госпожи тайной советницы Осиповой, собрал все разделенное между ними господское серебро и прочие вещи; и водворил там совершенное спокойствие; а после того и в прочих деревнях усмирил более четырех тысяч душ крестьян, наказав в суде при мирских сходах зачинщиков и обязав прочих клятвою пред Евангелием и Крестом Спасителя быть послушными установленным властям, тем самым водворил совершенное везде спокойствие». Тогда же в ряде приведенных к повиновению селений показались неприятельские партии мародеров, которые силами воинов ополчения и «усмиранных ими поселян» были уничтожены, и 15 человек взяты в плен. Среди отличившихся в этой экспедиции мосальский исправник назвал находившихся при воинах прапорщика Ф.И. Салова и урядника Копорского^{liv}.

Итак, анализ выявленного комплекса источников показал, что Калужское ополчение, не завершив своего формирования, уже в августе 1812 г. было вынуждено выступить на защиту границ Калужской губернии. По всей видимости, инициатором использования частей ополчения в борьбе с неприятелем выступил в 20-х числах августа исправник Мосальского уезда А.П. Суходольский, обратившийся за помощью напрямую к начальнику 4-го пешего полка полковнику Яковлеву. Сложившееся к концу августа положение (угроза разорения пограничных уездов Калужской губернии партиями мародеров и фуражиров, приближение армии противника к Москве, объявление военного положения и ожидание нападения на Калугу) заставило губернскую администрацию и командующего войсками генерала Шепелева активизировать свою деятельность по организации, отпора неприятелю. Что касается ополчения, то Шепелев первоначально планировал оставить для поддержки кордонов 5 пеших батальонов, а остальные части собрать в Калуге для ее защиты. Однако уже в начале сентября почти половина Калужского ополчения - 10 батальонов (примерно 7000 человек, или около 47 % от общей численности), были выдвинуты к границе губернии. Части ополчения расположились в основном за линией кордонов, в резерве, заняв все важные дороги и поставив гарнизоны в уездных городах Боровске, Мосальске и Юхнове (Смоленской губернии). В цепи отрядов самообороны располагалось всего три батальона - Ергольского и Данилова (4-го полка) и Спафарьева (3-го полка) - численностью менее 2 000 воинов, которые в основном и приняли участие в боевых действиях против неприятеля. При этом отряды ополчения практически никогда не действовали самостоятельно, а выступали вместе с кордонной стражей (имевший, надо заметить, в отличие от большинства воинов ополчения, огнестрельное оружие) или казаками (Медынский уезд). В ходе боевых действий с участием отрядов ополчения на кордонах было убито примерно 2 офицера и более 220 солдат, а также взято в плен примерно 200 человек, в том числе 7 русских мародеров и две женщины. Потери ополченцев составили около 37 воинов (7 убито и 30 ранено), погиб один прикомандированный к 4-му пешему полку офицер регулярных войск (поручик Литвинов). Соотношение потерь показывает, что, несмотря на слабое вооружение ополченцев, которые имели в основном холодное оружие (пики, топоры, ножи-тесаки), они успешно противостояли партиями неприятельских мародеров и фуражиров, нанося им значительный ущерб, превышавший собственные потери более чем в 10 раз. Наиболее активно на границе губернии действовали части ополчения 4-го пешего полка, прикрывавшие ельнинское направление, которые имели более 10 боевых столкновений с неприятелем. В свою очередь, 3-й полк силами батальона принял участие лишь в одном деле на территории Медынского уезда. Анализ потерь неприятеля на калужских кордонах показывает, что в Мосальском уезде при участии ополчения было убито и взято в плен

примерно 25% от общего их числа, а в Медынском - около 3%. Что касается Боровского уезда, то вооруженный огнестрельным оружием егерский батальон ополчения, по имеющимся источникам, не принимал непосредственного участия в боях с партиями противника, а нес только гарнизонную службу в уездном городе. Лишь 10 октября при движении неприятельских войск к Боровску батальон вступил в столкновение с авангардом противника при отступлении к Малоярославцу.

Следовательно, можно сделать вывод, что на первом этапе (в августе - начале октября 1812 г.) деятельность Калужского ополчения была в основном нацелена на поддержание порядка внутри губернии, охрану дорог, несение гарнизонной и конвойной службы. Части расположенные вблизи границы выполняли функции резерва, поддерживавшего кордонную цепь и обеспечивавшего устойчивую оборону губернии от вторжения неприятельских партий. При этом прямое участие ополчения в боевых действиях, развернувшихся на границе Калужской, Смоленской и Московской губерний, носило в целом ограниченный характер и по эффективности наносимого неприятелю ущерба уступало не только казачьим частям, но и крестьянским отрядам самообороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Зельницкий Г.К.* Описание происшествий 1812 г., случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815. С.126-135.

ⁱⁱ *Булычев Н.И.* Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии: Калуж. дворян, ополчение. Калуга, 1910.

ⁱⁱⁱ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. документов. М., 1962.

^{iv} См. напр.: *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962; *Ливчак Б.Ф.* Народное ополчение в вооруженных силах России 1806-1856 гг. // Ученые тр. Свердлов, юрид. ин-та. 1961. Т. 4; Недаром помнит вся Россия...: Очерки о событиях 1812 г. в Калужском крае. Калуга, 1962.

^v *Смирнов А.А.* Калужское ополчение 1812 г. // Малоярославец: Очерки по истории города. Малоярославец, 1992; Он же. Калужское ополчение 1812 г. // От Тарутино до Малоярославца. Калуга, 2002. С.170-178; Попов АМ. Дело при Ляхово. М., 2000. С. 9-13; Кибовский А.В. Личность и портретное изображение майора Калужского ополчения В.С. Ергольского: Боевая деятельность его отряда в августе-октябре 1812 г. // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии: Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1995. С. 120—128.

^{vi} Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. 32. Оп. 19. Д. 491, 510, 511, 690.

^{vii} Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 223-244.

^{viii} Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 821.

^{ix} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 14-16.

^x ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 151. Л. 364; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С.47-51.

^{xi} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 52.

^{xii} Там же. С. 141.

^{xiii} ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 227-227об.

^{xiv} Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 510. Л. 5-8.

^{xv} Помимо Амплия Петровича Суходольского, в Мосальском уезде в 1812 г. по выбору дворянства служили еще три его брата: Николай (уездный судья), Сергей (дворянский депутат, в период войны - кордонный начальник) и Петр (хлебный смотритель, помощник кордонного начальника).

^{xvi} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 142.

^{xvii} ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 510. Л. 49-50.

^{xviii} В рапорте В.Ф. Шепелева М.И. Кутузову от 3 сентября 1812 г. численность отряда показана в 150 воинов. В отношении мосальского предводителя В.С. Ширкова П.Н. Каверину от 28 августа 1812 г. говорится о 48 ополченцах (ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 510. Л. 24; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 142).

- ^{xix} ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 510. Л. 6.
- ^{xx} Этот бой произошел примерно 29-31 августа. Вывод основывается на том, что бой не был упомянут в рапорте СП. Суходольского от 28 августа и рапорте А. П. Суходольского от 5 сентября (о результатах деятельности ополченцев и кордонов с 1 по 5 сентября). См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 510. Л. 49-50; *Ассонов В.Л.* В тылу армии: Калужская губерния в 1812 г.: Обзор событий и сб. документов. Калуга, 1912. Сб. документов. С. 33.
- ^{xxi} ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 231.
- ^{xxii} *М.И. Кутузов*: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 170, 172.
- ^{xxiii} Там же. С. 177.
- ^{xxiv} Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗ). СПб., 1830. Т. XXXII. № 25166. С. 375-377.
- ^{xxv} Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 103. Оп. 1/208а. Д. 61. Л. 12,14; ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1222. Л. 62 об.-б3; *М.И. Кутузов*: Сб. документов. Т. 4, ч. 1. С. 177; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 150, 155.
- ^{xxvi} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 146.
- ^{xxvii} Подр. см.: *Бессонов В. А., Попов А.И.* Действия казачьих отрядов Быхалова и Тимирова в 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всерос. науч. конф. Бородино, 8-10 сентября 2003 г. Можайск, 2004. С. 23-54.
- ^{xxviii} ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 234.
- ^{xxix} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 145 - 146.
- ^{xxx} ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 233 об.-234.
- ^{xxxi} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 145.
- ^{xxxii} *Ассонов В.И.* Указ. соч. Сб. документов. С. 33.
- ^{xxxiii} *Кибовский А.В.* Указ. соч. С. 125.
- ^{xxxiv} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Д. 61. Л. 26.
- ^{xxxv} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 146—147.
- ^{xxxvi} ПСЗ. Т. XXXII. № 24975. С. 44.
- ^{xxxvii} *Кибовский А.В.* Указ. соч. С. 120, 122.
- ^{xxxviii} ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 511. Л. 1.
- ^{xxxix} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С.141- 142.
- ^{xl} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Д. 61. Л. 20 об.
- ^{xli} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 668. Л. 1-2.
- ^{xlii} Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 229 об.
- ^{xliiii} Там же. Д. 151. Л. 35; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 141; *Зельницкий Г.К.* Указ. соч. С. 127.
- ^{xliv} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 511. Л. 23.
- ^{xlv} Там же. Ф. 66. Оп. 3. Д. 46. Л. 5-6; Ф. 260. Оп. 1. Д. 902. Л. 47. Формулярные списки подполковника А.Ф. Сухотина и прапорщика М.А. Челищева.
- ^{xlvi} Народное ополчение в Отечественной войне 1812г.С.143, 145-148.
- ^{xlvii} ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 511. Л. 15, 50; Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 235 об.
- ^{xlviii} Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 511. Л. 142, 144; Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 237 об.
- ^{xlix} Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 511. Л. 141.
- ^l Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 151.
- ^{li} ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 237 об.
- ^{lii} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 150-151.
- ^{liiii} ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 239-239 об.
- ^{liv} Там же. Л. 239 об.-241.